

ОБРАЗ В. Г. БЕЛИНСКОГО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Известно, что уже в конце XIX века складывается несколько мифов о русской литературе: формируется пушкинский, гоголевский мифы. Особенное значение имеет пушкинский миф, в сущности, на примере Пушкина апробируется механизм создания таких мифов, затем примененный к другим писателям. Как справедливо отмечал американский славист Маркус Левитт, «празднование столетнего юбилея поэта [Пушкина – В. К.] демонстрирует явное стремление сделать отечественную словесность частью официальной культуры и укрепить традиционную монополию государства на национальную идею, выдвинув требование, по достоинству оценить роль литературы в формировании нового российского представления о себе»¹. Не стал исключением и Белинский.

Белинский в истории русской критики – это своего рода культурный герой нового времени (используем выражение Е. М. Мелетинского, перенесенное М. Виролайнен в связи с Пушкиным). М. Виролайнен отмечает в этой связи:

Принцип истории как чистой, совершенной новости и принцип мифа как вечной универсалии [...] оказываются полярно противоположны друг другу [...] <Но> ретроспективный взгляд на мифологическую реальность обнаруживает в ней особую точку, в которой тенденция мифа и тенденция истории могут пересечься между собой. В этой точке стоит тот, кого современная наука называет *культурным героем*².

Одна из важных черт культурного героя состоит в том, что он «приносит в мир новость – и если эпоха допускает, чтобы новость случилась не однажды, не только в момент первотворения, значит, в ней есть место мифическому культурному герою, который может появиться даже тогда, когда «„первые времена” уже миновали»³.

На этот статус претендует Белинский. Уже во второй половине XIX в. он воспринимается как первый русский критик, «Пушкин русской критики». За Белинским В. В. Розанов признает «величайшую чуткость к красоте», необыкновенную способность улавливать ее в каждом ее конкретном и индивидуальном проявлении. Потому «каковы бы ни были дальнейшие судьбы нашей критики, как бы ни углублялась она в своем содержании,

¹ М. Левитт, *Пушкин в 1899 году*, [в:] *Современное американское пушкиноведение: сборник статей*, ред. сост. У. М. Тодд; пер. с англ. М. Б. Кутеева, Г. А. Крылов, Санкт-Петербург 1999, с. 24.

² М. Виролайнен, *Культурный герой нового времени*, [в:] *Легенды и мифы о Пушкине*, ред. М. Н. Виролайнен, Санкт-Петербург 1999, с. 334.

³ Там же.

эта деятельность никогда не будет затемнена или отстранена, но всегда и только – дополнена»⁴. Вот мемуарное признание Розанова:

Он был друг, великий и прекрасный, наших гимназических дней; у других – студенческих; но вообще – друг поры учения, *самого впечатлительного возраста*, первых убеждений. Со всем этим он неразделимо, кровно сросся. Нет ни одного теперь из образованных русских людей, в крови и мозгу которого не было бы частицы «Белинского», как чего-то пережитого горячо и страстно, благоговейно и восторженно. Да извинит читатель примеры: мне сейчас 55 лет, но хранится у меня, и по временам я взглядываю на нее, тетрадка гимназиста 3 класса, где я, без буквы «Б», переписал его *Литературные мечтания*: слог его, мысли, пафос, этот летучий язык, обернувшийся около стойких предметов и поваливший их, очаровал, обворожил меня, «начинающего читать *серьезно*» мальчика⁵.

Белинский, как и Пушкин, был не «человеком образа», а «человеком пути», поэтому его миф складывался как результат пути. Отсюда, при столь короткой деятельности, как и у Пушкина, столь разнообразны этапы его пути и противоречивы оценки смысла его деятельности. В нем оказывается нечто, не поддающееся однозначным формулам. Кто он: бескомпромиссный революционер-демократ, «неистовый Виссарион», прошедший эволюцию от гегелевского идеализма и примирения с «разумной действительностью» до отрицания «гнусной действительности»? Как он относился к либералам, славянофилам, к крестьянству? Белинского называют основателем профессиональной критики (при ближайшем рассмотрении, правда, оказывается, что история русской критики началась задолго до Белинского, и профессиональная критика, если быть точным, складывается раньше). Другим важным признаком «культурного героя» становится требование, чтобы «принесенная им новость» могла остаться в мире как норма⁶. В русской литературе эту возможность реализовал Пушкин. А применительно к критике – именно Белинский.

Наследие Белинского на протяжении всей второй половины XIX века было постоянным предметом острых споров, идейно-эстетической борьбы, возбуждало и восхищение, и раздражение, и противостояние сторон. Как отмечал А. В. Дружинин в отклике на появление *Сочинений Белинского* в 1859 году, «уже никому не навязывается обожание каждой мысли Белинского, уже честных литераторов не зовут ренегатами за малейшее уклонение от прежних его приговоров, уже всякий может во многом расходиться с идеями последних годов Белинского и все-таки горячо сочувствовать всей его деятельности»⁷. Так или иначе, но в широком общественном сознании уже с 1860-х годов Белинский становится символической фигурой, поскольку он не просто создал глубокие работы о русской литературе, но и сформировал устойчивую модель отношений между писательским творчеством и публикой. В этой модели фигура критика ста-

⁴ В. В. Розанов, *Мысли о литературе*, Москва 1989, с. 177.

⁵ В. В. Розанов, *О писательстве и писателях*, Москва 1995, с. 501.

⁶ М. Виролайнен, *Культурный герой нового времени...*, с. 335.

⁷ А. В. Дружинин, *Прекрасное и вечное*, Москва 1988, с. 462.

новится ключевой, определяющей восприятие публикой художественного явления. Для некоторых имя Белинского метонимически заменяло саму русскую критику. Привнесенное Белинским в русскую критику осознается как *норма*. Уже в 50–70-е гг. XIX века в выступлениях о Белинском складывается два стереотипа: убеждение в том, что по природным способностям и нравственному воздействию на читателя он превосходил новое поколение критиков; признавая «грехи» критика, писавшие о нем одновременно говорили о его невинности в них, т.к. историческая эпоха не дала развернуться его интеллекту⁸. Эти тенденции усилились и получили новое развитие в эпоху серебряного века, на которую, как мы полагаем, и приходится первая попытка расширенной мифологизации его идей и личности представителями различных слоев публики.

Для серебряного века характерен взлет критического творчества и острейшие споры о критике вообще (а многие постсоветские выступления «против» Белинского выглядят бледными копиями конца XIX – начала XX вв.). В аспекте восприятия классического литературного наследия серебряный век русской культуры уникален. В это время по-новому были прочитаны не только писатели, но и критики, было восстановлено значение таких фигур русской критики, как А. Дружинин, А. Григорьев, В. Майков, Н. Страхов.

В конце 80-х – начале 90-х гг. появляются первые опыты истории русской критики – работы И. И. Иванова, В. В. Чуйко, В. Чехихина, А. Вольнского. Белинскому отводится центральное место в дискуссиях начала века о судьбах русской критики (А. Л. Вольнский, В. В. Розанов, Ю. И. Айхенвальд). Сами представления о тенденциях, движущих силах русской критики соотносятся с Белинским.

Для уяснения особенностей восприятия Белинского в данную эпоху необходимо учесть контекст: к концу XIX века была написана первая документальная биография Белинского (труд А. Н. Пыпина *Белинский, его жизнь и переписка* в 2-х томах⁹), воспоминания о нем, переписка, первые историко-литературные исследования¹⁰, изданы *Сочинения в 4-х томах* (1896), появились первые массовые издания его сочинений.

Книжный рынок наполнялся дешевыми изданиями, призванными популяризировать его имя. Историк Б. Глинский писал:

[...] эти томики «дешевой библиотеки» как бы выполняют отчасти желание поэта, высказанное в стихах: Эх, эх. Придет ли времечко, / Когда (приди

⁸ Е. Ю. Тихонова, *Русские мыслители о В. Г. Белинском (вторая половина XIX – первая половина XX в.)*, Москва 2009, с. 21–22.

⁹ Многие потом опирались именно на этот труд, написанный с позиций либерального просветителя-позитивиста. Г. В. Плеханов признавался, что в серии статей о Белинском заимствовал «большинство данных, относящихся к истории умственного развития Белинского». (См. Г. Плеханов, *Эстетика и социология искусства*: В 2-х т., Москва 1978, т. 2). Им также пользовался Д. С. Мережковский (см. Д. Мережковский, *Автограф выписок к статье «Завет Белинского»*. ИРЛИ, 24.232).

¹⁰ Так, в статьях В. Розанова, Н. Бердяева, Е. Колтоновской развивалась идея «великого сердца», выдвинутая впервые С. А. Венгеровым в *Очерках по истории русской литературы* (впервые: «Русское богатство» 1898, № 3, с. 151–185; № 4, с. 125–160; № 5, с. 204–227).

желанное!..), / [...] мужик не Блохера / И не Милорда глупого – / Белинского и Гоголя / С базара понесет?¹¹

При этом показательно, что в конце 1890-х гг. творчество Белинского оставалось вне гимназических курсов, хотя еще в 1860-е годы были попытки включения в учебные программы его критических работ. Вместе с тем, степень известности Белинского в среде юношества была велика. Известны слова И. С. Аксакова в частном письме:

Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письма Белинского к Гоголю... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, – ищите таковых в провинции между последователями Белинского¹².

Для полной реконструкции картины восприятия Белинского на рубеже XIX–XX вв. мы обращаемся к воспоминаниям, выступлениям о нем. Замечательно, что некоторые юбилейные сборники содержат такой редкий источник, как тексты *сочинений* учащихся. Так, в связи с гоголевскими торжествами 1909 года произносились юбилейные речи, проводились конкурсы на лучшие сочинения в гимназиях, кадетских корпусах. Как, например, в Симбирске, где учащиеся кадетского корпуса выступали с сочинениями (этой чести были удостоены лучшие). Сочинение – речь *Гоголь как писатель-реалист*, прочитанное кадетом 7 класса Кастрицыным, содержит большой «кусочек» о *Старосветских помещиках*: «Возьмите его *Старосветских помещиков*. Здесь не более, как две пародии на человеческое существо; забота их жизни это – забота о пище. Но как сама по себе ни ничтожна картина повседневной жизни этой мирной четы, как ни отталкивает нас пошлостью и уродливостью своей животной жизни, мы невольно чувствуем симпатию к этим людям [...]»¹³. Трудно не узнать в этом рассуждении почти буквальное воспроизведение известной статьи Белинского *О русской повести и повестях г. Гоголя*. «Но почему? Да потому, что Гоголь, со свойственной всем великим писателям пронизательностью подметил человеческую черту в жизни старосветских помещиков: их взаимная любовь и привязанность основана на привычке [...]» (из сочинения кадета)¹⁴.

Наибольший всплеск критических выступлений приходится на конец 1890-х и 1910-е гг. (в связи с двумя юбилейными датами – 50-летием со дня

¹¹ Б. Глинский, *В. Г. Белинский и чествование его памяти*, Санкт-Петербург 1898, с. 63.

¹² Цит по: Я. А. Роткович, *Очерки по истории преподавания литературы в русской школе. Труды института методов обучения АПН РСФСР*, Москва 1953, с. 213.

¹³ Празднование столетия со дня рождения Н. В. Гоголя в Симбирском кадетском корпусе 20 марта 1909 г., Симбирск 1909, с. 9.

¹⁴ Ср.: «Отчего это? Оттого, что это очень просто и, следовательно, очень верно, оттого, что автор нашел поэзию и в этой пошлой и нелепой жизни, нашел человеческое чувство, двигающее и оживляющее его героев: это чувство – привычка». См.: В. Г. Белинский, *Взгляд на русскую литературу*, Москва 1988, с. 147.

смерти и 100-летием со дня рождения). Вышли в свет специальные сборники *Памяти В. Г. Белинского*. Первый юбилей Белинского 1898 г., инициатором празднования которого стала Пенза, по культурному значению сравнивали с открытием в Москве в 1880 г. памятника Пушкину, отмечая редкое единодушие авторов юбилейных речей и статей в оценке личности и исторического значения литературной деятельности Белинского. Обозреватели подчеркивали, что в чествовании критика не было ничего фальшивого, заказного, официозного. Современники отмечали особенный характер события: «Еще совсем недавно такое признание было бы крайне затруднительно»¹⁵.

Вместе с тем, в откликах на первый юбилей говорилось о «многих тормозах и препятствиях к проявлению свободных чувств и дум»¹⁶ (имелось в виду отношение к юбилею Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения; последнее всячески отклоняло прошения учебных заведений и запрещало присутствие учащихся в юбилейных торжествах). Показательны в этом отношении документы из канцелярии историко-филологического факультета Императорского Казанского университета, отражающие противостояние либеральной профессуры и администрации. Приводим без комментариев только два документа. Вот письмо ректора в ответ на прошение историко-филологического факультета помянуть Белинского в заупокойной литургии в университетской церкви:

Г. Попечитель Казанского Учебного Округа, предложением от 19 мая за № 4226, сообщил мне следующее: «В представлении от 16 мая, за № 1376, Ваше Превосходительство возбудили ходатайство о разрешении в Университетской церкви панихиду по критику Белинскому. Ходатайство это, как известно Вашему Превосходительству, в виду секретного предложения Управления Округа от 24 ноября 1883 г. за № 205, может быть разрешено не иначе как властью высшего Начальства. Между тем, при самом быстром исполнении дела сношение с Министерством требует известного времени и получить к 26 мая ответ Господина Управляющего Министерством на сделанное мною по сему предмету представление представляется почти что невозможным. Вследствие сего долгом считаю покорнейше просить Ваше превосходительство на будущее время представления по таким делам, которые требуют разрешения Министерства, делать своевременно, принимая в соображение количество времени, потребного для сношения с Министерством»¹⁷.

Второй документ представляет собой письмо ректора, передающее ответ из Министерства Народного просвещения:

Г. Управляющий Министерством Народного Просвещения, телеграммой от 25 сего мая, сообщил г. Попечителю Округа следующее: «Панихиды по Белинскому в учебных заведениях считаю несогласными с правилами». Боголепов.

¹⁵ *Памяти Белинского. Литературный сборник, состоящий из трудов русских литераторов*, Москва 1899, с. XLVI.

¹⁶ Б. Глинский, *В. Г. Белинский и чествование его памяти...*, с. 79.

¹⁷ Дело канцелярии Историко-филологического факультета Императорского Казанского университета о чествовании знаменитого русского литературного критика В. Г. Белинского (1 апр. 1898 – 21 дек. 1898 г.), Национальный архив Республики Татарстан, ф. 977. оп. иф. д. 1723 л. 7.

Об этом имею честь уведомить Историко-филологический факультет, в ответ на представление его от 15 мая за № 118¹⁸.

Безусловно, подобные административные препоны тоже отмечались в русской прессе, при этом одновременно образ Белинского возвышался¹⁹. Газета «Биржевые ведомости» в юбилейной статье *Русское общество и В. Г. Белинский* отмечала:

В. Г. Белинский был таким глубоко и страстно любящим сыном своей отчизны, таким искренним печальником о всех ее немогах, бедах и напастях, таким неутомимым и мудрым искателем и исследователем тех жизненных путей, которые должны были нести ее к благу, свету и счастью, что, ей Богу, грешно и стыдно этой самой отчизне не помянуть его, хотя, по крайности, грустным вздохом да благодарным словом, если уж на что-либо более выразительное и деятельное у нее не хватит ни сил, ни средств, ни благородного порыва²⁰.

Юбилейные торжества принесли и поток многочисленной т.н. стихотворной беллетристики о Белинском, подобно тому, как, например, появилась массовая однодневная лирика о Пушкине в периодике 1880–1890-х годов. Массовая лирика, по словам О. С. Муравьевой, «дает срез наиболее расхожих штампов и представлений: она скользит по поверхности, но и вбирает все то, что на поверхности задерживается»²¹. В них наиболее выступает социальная функция мифа (как известно, для Р. Барта важнейшей функцией современных мифов является функция социального сплочения, мистифицированного консенсуса, образуемого расхожими представлениями). Чествование Белинского в 1898 году демократической печатью расценивалось как «праздник русской интеллигенции», «праздник всероссийского просвещения и прогресса», как первая попытка «громкого общественного признания перед русской землей со стороны незабвенного критика», а Белинский характеризовался как «один из самых безупречных борцов за гуманность и просвещение» (из текстов приветственных телеграмм, отправленных в Пензу), «литератор-борец за идеалы лучшего будущего». Несмотря даже на то, что не все из задуманного было реализовано, в отчетах подчеркивалось: «еще недавно имя Белинского было запретным, как еще и поныне некоторые морщатся и чуть ли не негодуют при воспоминании об одном только просветительном и освободительном значении деятельности нашего критика»²². Стихотворения читались на юбилейных вечерах, публиковались в столичных и провинциальных газетах. Больше всего в этих стихах обращений к Белинскому как к «борцу»,

¹⁸ Там же, л. 8.

¹⁹ Интересно, что философ В. Соловьев в речи, прочитанной на заседании Петербургского Философского общества 11 сентября 1898 г., назвал Белинского не «неистовым Виссарионом», а «мужем желаний», используя библейский образ пророка Даниила (см. публикацию газетных откликов на речь В. Соловьева: А. А. Ермичев, *Вл. Соловьев о Белинском*, [в:] *Соловьевские исследования*. Выпуск 1 (29), Иваново 2011, с. 4–13.

²⁰ «Биржевые ведомости» 1898, 26 мая (7 июня), с. 1.

²¹ О. С. Муравьева, *Образ Пушкина: исторические метаморфозы*, [в:] *Легенды и мифы о Пушкине...*, с. 119.

²² Б. Глинский, *В. Г. Белинский и чествование его памяти...*, с. 79.

«истинному герою», «учителю поколений». Жизнь и искания Белинского были интерпретированы как борьба за просвещение и свободу русского народа:

Ты не дождался дней счастливых
И для бездомных, сиротливых
Настал желанный светлый миг...
Борясь за них, за них страдая,
В любви к страдальцам ты сгорел...
Но утро встало, и, пылая,
Рассвет свободы их согрел.
Пылает утро... И, заветы
Твои, учитель наш, храня,
Великой верой мы согреты
При блеске утра в близость дня!
(Вл. Ладыженский, сб. *Памяти Белинского*)²³.

Особенно часто в стихах, написанных в духе поздненароднической риторики, образ Белинского противопоставлен «хмурой» современности:

В наши дни обнищанья великих идей,
Торжества меркантильных страстишек,
В дни господства ничтожных, но ловких людей,
В дни успеха их темных делишек, –
С безграничной мощью пред нами встает
Образ прошлого впрямь исполинский
И нас вновь к идеалам и правде зовет:
Этот образ – великий Белинский...
Нам нужны идеалы. Бессмертный наш дух
И томится без них и страдает.
Посмотрите, как в нас пламень жизни потух.
Что же в будущем нас ожидает?
(А. Кремлев)²⁴.

Его критический талант воспринят как непревзойденный:

Он был всегда правдив; бездарность не щадил;
Но сколько было в нем восторженного чувства,
Когда он в ком-нибудь дар Божий находил:
Никто так не ценил искусства!
(А. Лукьянов)²⁵.

Его душа была согрета
Священным пламенем поэта,
Глубоким чувством красоты...
Он вдохновенными речами
Раскрыл пред нашими очами
Родной поэзии цветы...
Умолкли вещие Баяны,
Ушли из мира зла и слез.
К певцу задумчивой Татьяны,

²³ *Памяти Белинского. Литературный сборник...*, с. 190.

²⁴ «Биржевые ведомости» 1898, 28 мая, № 143.

²⁵ *Памяти Белинского. Литературный сборник...*, с. 278.

Туда, в надзвездные туманы,
 Рок и его жреца унес...
 Их души встретились в эфире,
 Как две бессмертные мечты,
 Они слились в далеком мире
 И засияли с высоты
 Огнем нетленной красоты²⁶.

Газета «Биржевые ведомости» в своем юбилейном номере от 26 мая 1898 г. поместила фантастический рассказ М. Полтавского *В белую ночь* о появлении Белинского в юбилейный год. Дух Белинского появляется в майскую белую ночь в Петербурге, чтобы «посмотреть на успехи родной литературы», увидеть, как хранятся его заветы. Вот что он говорит:

Вспомните, как относились ко мне после моей смерти? Кто читал меня? Кто видел написанные мной книги? Кто произнес сочувственное слово на моей могиле? Даже имя мое нельзя было произносить, имя человека, ничего не требовавшего от жизни, кроме счастья ближних! Миновало это время! Как много переменилось с тех пор! Где Гоголь, Крылов, Лермонтов? Где Булгарин, Греч, Сенковский, Полевой? Их нет... Теперь, через пятьдесят лет после моей смерти, есть ли у нас литература?²⁷

Интересно, что и в полемиках того времени, относящихся к состоянию критики, определяемому как безрадостное, постоянно возникало имя Белинского. Еще В. Чуйко констатировал, что «русская критика понизилась и измельчала, она не отвечает более своему назначению, свернула с пути, указанного ей Белинским»²⁸. Е. Колтоновская в статье *Критик-идеалист* выразила эту мысль так:

Критиков у нас много, в роли критиков выступают чуть ли не все владеющие пером. И поэтому критики нет... Нет критики, пользующейся влиянием и авторитетом. В наше переходное время трудно и представить ту высоту, ту степень влияния, каким он пользовался и среди читателей, и среди авторов художественных произведений²⁹.

Эта же мысль встречается в статье З. Гиппиус *Разочарования и предчувствия*:

Я не поклонник старых времен; не вздыхаю о кончине Белинского, Писарева и Добролюбова и не желаю бы их воскресения. Однако, думаю, что «кто-то», на них похожий, но способный на равное с ними *влияние*, должен сидеть на пустом литературном стуле³⁰.

В статье *Журнальная беллетристика* З. Гиппиус, говоря о слабости литературной критики, опять вспоминает Белинского: «Может быть, не оттого нет Белинских, что нет Гоголя, а наоборот. Критика не создает, конечно, писателей, но она часто им помогает»³¹. Те же мысли неоднократно

²⁶ Lolo, *Страничка из дневника*, «Новости дня» 1898, № 5382.

²⁷ М. Полтавский, *В белую ночь*, «Биржевые ведомости» 1898, 26 мая (7 июня), № 141.

²⁸ В. В. Чуйко, *Очерки развития русской критики*, «Наблюдатель» 1887, № 10, с. 206.

²⁹ Е. А. Колтоновская, *Критические этюды*, Санкт-Петербург 1912, с. 109.

³⁰ З. Н. Гиппиус, *Собрание сочинений*, Москва 2003, т. 7, с. 369.

³¹ Там же, с. 455.

звучали и в статьях К. Чуковского. Имя Белинского стало использоваться в сатире начала XX века для нарицательного обозначения тех критиков, кто пытался брать на себя роль профессионального критика, но не соответствовал этой роли. Таким образом, продолжалась тенденция, проявившаяся уже во второй половине XIX в., состоящая в убеждении, что новое поколение критиков не может *так* воздействовать на читателей, как Белинский.

Важнейшей мифологической составляющей образа Белинского, усиленной в юбилейные годы, становится восприятие его как жертвы николаевской эпохи, «страстотерпца русской литературы»³². Приведем в этой связи любопытное наблюдение из переписки В. В. Розанова и известного педагога С. А. Рачинского. Розанов рассказывает, как он в одном семействе, просматривая книги подростков, натолкнулся на издание сочинений Белинского в издании Павленкова; гимназист говорил при этом: «Это у нас [гимназистов – В. К.] – настольная книга; больше нечем руководствоваться в старших классах при писании сочинений: учитель рекомендует, да и без учителя мы знаем, что Белинский в разное время дал критическую оценку всех фазисов русской литературы». Розанов обратил внимание на то, что к этому изданию приложена гравюра с известной картины – *Умиравший Белинский*, на которой изображен умирающий Белинский, испуганно оглядывающийся на дверь. Среди комнаты – жена умирающего, с девочкой 4-5 лет (дочь); перед кроватью сидят Некрасов и Панаев, в задумчивых позах; в заднем углу – шкаф с книгами, и на нем бюст Пушкина; в отворенную дверь полупоказывается жандарм³³. И вот комментарий Розанова:

Теперь, мой дорогой, слушайте, как сплетается история. Что дурак жандармский офицер послал солдата-жандарма к критику – конечно, правительство Николая I не ответственно, еще менее ответственна Россия [...] Это очевидно Вам и мне, но вовсе не очевидно впечатлительному мальчику 17 лет; он видит только, что «правительство» к лежащему на смертном одре человеку «лезет» с «тесаком» и «шпорами» [...] Самая жгучая, самая идеалистическая, самая основательная до известной степени и вместе горько ошибочная ненависть и презрение к отечеству загорится в лучших сердцах. Вот что они делают, я говорю о всей нашей «правительственной» партии, об этих редакторах-официозах, наживающих 1/2 миллиона через 5–10 лет аренды; о Мин Нар. просв., высчитывающем, как бы в Харькове протоиерей не получил годом раньше пенсии, чем следует [...]»³⁴.

Попыткой демифологизации Белинского (но неудачной) нужно признать выступление Ю. Айхенвальда (силуэт 1913 г., где Белинский представлен как человек без сердцевины, хронически меняющий убеждения,

³² В публичной лекции *Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции* (1915) Мережковский, пытаясь поставить Белинского в круг предшественников религиозных мыслителей начала XX века, видит в его художественных «промахах» христианское «умерщвление плоти», «монашество».

³³ В. В. Розанов, *Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая*, Москва, Санкт-Петербург 2010, с. 550–551.

³⁴ Там же, с. 551.

вечный умственный недоросль, Пер Гюнт русской критики), построенное на произвольных суждениях, что вызвало в литературных кругах дружный отпор. Историк русской литературы П. Н. Сакулин по этому поводу заметил:

Белинский – не миф, не легенда, а подлинный и огромный факт русской действительности. Его тень витает не только в классах нашей школы, над тетрадями ученических сочинений: он не только «патрон учителей русской словесности»: его дух реет над всей русской литературой, он – патрон всей русской интеллигенции. Его место давно уже определено нелицеприятным судом истории: его имя – свято. Давно уже Белинский находится за чертой досягаемости [...] ³⁵.

И это чрезвычайно характерно для серебряного века. Юбилей 1910 года отмечался иначе. Широко совершались панихиды, не как 12 лет назад. В сообщении из газеты «Уральский край» от 1 июня 1911 г. говорилось:

30 мая в час дня в помещении библиотеки им. В. Г. Белинского по случаю столетия со дня рождения В. Г. Белинского, была совершена панихида, пред началом которой о. Феодор Коровин произнес соответствующую случаю речь. Отметив цель, для которой присутствующие собрались почтить память великого писателя гражданина – о. Коровин дал высокую оценку сочинениям В. Белинского: как в Евангелии мы находим ответ на все запросы нашей души, так в сочинениях В. Г. Белинского находим отклики на все запросы нашего интеллекта» (еще совсем недавно так сказать было невозможно!).

Белинский внедряется в практику школьного изучения. Чтобы показать, как постепенно происходило внедрение сочинений Белинского в школьные курсы, мы обращаемся к таким специфическим (официальным) источникам, как *Сборники постановлений и распоряжений по Министерству Народного просвещения, Списки книг, разрешенных Министерством Народного просвещения*. Изучение официальной и методической литературы рубежа XIX–XX вв. позволяет выдвинуть гипотезу о том, что уже в этот период делаются попытки использования русской критики в воспитательных целях. В предисловии к 3-му (1899) и 4-му (1902) изданиям *Пособия для литературных бесед и письменных работ* Ц. П. Балталон писал:

[...] особое внимание, связанное с чествованием памяти В. Г. Белинского, было обращено в эти последние годы на высокое *воспитательное значение литературной критики как для всего общества, так и для юношества*, при изучении истории литературы. Сознание важности литературной критики выразилось, между прочим, и в том, что министерство народного просвещения признало образовательную пользу и значение критических статей Белинского, как материала для чтения учеников средней школы ³⁶.

Однако этот процесс наталкивался на препятствия, и после юбилея 1898 года Белинский остался для школы полузапрещенным писателем. С. Ашевский в статье *Реформа средней школы и Белинский* писал:

³⁵ П. Н. Сакулин, *Белинский – миф*, «Русские ведомости» 1913, № 228.

³⁶ Ц. П. Балталон, *Пособие для литературных бесед и письменных работ*, Москва 1914, с. VII.

Тщетно один из выдающихся русских педагогов накануне чествования памяти Белинского убеждал «перестать бояться этого идеалиста из идеалистов и, признав все огромное его воспитательное и образовательное значение, открыто признать его надежнейшим и благонамереннейшим руководителем нашей учащейся молодежи», по-видимому, одержало верх мнение педагогов и литературных критиков из «Московских ведомостей», где неустрашимо было заявлено, что Белинский «решительно не годится в руководители юношества», потому что «у него не было определенного, строго-выработанного мирозерцания»³⁷.

Но уже в 1915 году методист литературы В. Голубков утверждал: «По установившейся школьной практике, знакомство с некоторыми критическими статьями, напр., со статьями Белинского, Добролюбова, считается обязательным». Как писал И. Волгин, «Белинский как никто другой подошел на роль толкователя. Он стал Аристотелем средней школы»³⁸.

Споры о Белинском в конце XIX – начале XX в. были продолжением дискуссий, мнений, высказанных во второй половине XIX в. Достоевским, Страховым, Ап. Григорьевым, Говорухой-Отроком. Но восприятие Белинского в эпоху серебряного века оказывается тесно связанным с острыми спорами о задачах и судьбах русской критики. Несмотря на высокий уровень новой критики, в дискуссиях постоянно звучит мотив кризисного состояния. Для тех, кто стоял за единство эстетических и публицистических начал, за важность нравственной позиции критика, наследие Белинского представало как недостижимый образец, невозможный в современную эпоху. Образ Белинского возвышался и в выступлениях против засилья массовой, фельетонной («городской») критики. Для тех же, кто отстаивал сциентистскую природу критики, Белинский считался устаревшим, отражением раннего этапа русской критики, другом «поры учения», гимназических, студенческих дней (В. В. Розанов). Но именно на рубеже XIX–XX вв. стал ощутим своеобразный универсум Белинского в совмещении эстетического и публицистического подхода к литературе. Общность в подходе к Белинскому состояла в признании непревзойденного влияния его на публику, «волнующего и возбуждательного значения» (В. В. Розанов) и острого осознания, что в современную эпоху критик уже не может стать таким «властителем дум». Вместе с тем, именно серебряный век стал временем официального признания Белинского. На него наводится хрестоматийный глянец, он входит в школьные программы. Освоение наследия Белинского сопровождалось и искажением его сути, когда отдельные факты выдавались за целое, высказывания критика вырывались из контекста (как, собственно, часто и создаются литературоведческие мифы).

Мифологизация серебряного века затем сменилась вульгарно-классовым мифом о Белинском. И если Пушкину было суждено стать непримиримым врагом самодержавия, то в советское время Белинского стали воспринимать не столько как талантливого литературного критика, сколько как революционно-демократического идеолога и пропагандиста.

³⁷ С. Ашевский, *Реформа средней школы и Белинский*, «Образование» 1900, № 7–8, с. 14.

³⁸ И. Волгин, *О свойствах страсти. Белинский и карта звездного неба*, «Литературная газета» 2011, 8–14 июня, № 23, с. 4.

Summary

VIACHESLAV KRYLOV

THE IMAGE OF BELINSKY IN PUBLIC CONSCIOUSNESS AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

The article is devoted to chosen aspects of myth formation about Belinsky in the Russian culture at the turn of the 20th century. The analysis is done on the basis of journal and newspaper criticism and essays, fiction and theoretical discussions about Belinsky.

Key words: the myth, the Russian criticism of the end 19th - the beginnings of the 20th century of a 21th century, crisis, V. G. Belinsky.